

Густой снег валил с неба хлопьями величиной с гусиное перо, ледяной ветер пробирал до костей, но сердце Тан Шэня жарко билось. Он крепко сжал рукоять зонта и долго размышлял среди снегопада. Стиснув зубы и приняв решение, он повернул обратно к ямыню Финансового приказа. Набравшись храбрости, Тан Шэнь подошёл к дверям ведомства, но служитель лишь развёл руками:

— Господин министр полчаса назад отправился во дворец и всё ещё не вернулся. Приёмное время окончено, так что сегодня господин министр в Финансовый приказ, скорее всего, больше не прибудет.

Бушующее пламя в груди Тан Шэня мгновенно угасло под холодным снегом.

Он лишь тихо выдохнул: «Ох...» — и, держа над собой бумажный зонт, молча поплёлся назад.

Мелкий снег бесшумно оседал на промасленной бумаге. Наступила глухая, всеобъемлющая тишина. Проходя мимо ямыня Цензората, Тан Шэнь издали заметил стоявший у ворот паланкин. Он лишь мазнул по нему взглядом и опустил голову, наблюдая, как на земле постепенно растёт слой снега, а в душе смешиваются покой и горечь.

Когда он подходил к самым воротам Цензората, раздался чистый, мягкий и тёплый голос. Сердце Тан Шэня пропустило удар; ему на мгновение показалось, что послышалось, и он продолжил шагать вперёд.

Пока этот голос с едва уловимой улыбкой не позвал снова:

— Младший шиди.

Тан Шэнь резко обернулся. Посреди белоснежной круговерти Ван Цзыфэн, накинув снеговую белую лисью шубу, стоял, опираясь на паланкин, и с тихой улыбкой смотрел на него. Снежинки оседали на его смоляных волосах изящным украшением. На фоне чёрно-белого контраста он казался удивительно возвышенным, холодным и ослепительно прекрасным.

Тан Шэнь ошеломлённо застыл на месте, не сводя глаз с Ван Чжэня.

Глядя на него, Ван Чжэнь вздохнул про себя. Как он мог не жалеть его?

Он протянул руку и тихо произнёс:

— Подойди, Цзинцзэ.

Тан Шэнь продолжал неподвижно стоять, словно не услышав и не сделав ни шага навстречу.

Ван Чжэнь долго смотрел на него спокойным взглядом и в конце концов сдался. Тяжело вздохнув, он сам шагнул вперёд, взял Тан Шэня за руку и, удерживая его зонт, увлёк его за собой в паланкин.

Тёплый воздух внутри паланкина заставил Тан Шэня мгновенно прийти в себя. Он обнаружил, что сидит бок о бок с Ван Чжэнем. Тесное пространство сближало их ещё сильнее, а Ван Чжэнь всё ещё удерживал его ладонь.

Тан Шэнь подсознательно попытался высвободиться:

— Шисюн... — Голос обрубился: Тан Шэнь не ожидал, что Ван Цзыфэн сам выпустит его руку, даже не дожидаясь сопротивления.

Тан Шэнь медленно поднял голову и посмотрел на Ван Чжэня.

Ван Чжэнь слегка улыбнулся ему, мягко и привычно проговорив:

— Мне довелось проезжать мимо Цензоратов. Снег валит так сильно, вот я и подумал подвезти тебя по пути.

От автора:

Маленький Тан: «Мой шисюн... неужели он больше не любит меня?»

Тан Шэнь помедлил, а затем произнёс:

— Благодарю, шисюн, что подвёз.

Ван Чжэнь:

— Мелочи.

В паланкине ненадолго воцарилось молчание. Наконец Тан Шэнь заговорил первым:

— Шисюн так надолго уезжал в Цзиньлин... Случилось что-то важное?

В первые дни Тан Шэнь действительно думал, будто Ван Чжэнь разозлился на него и потому сбежал в Цзиньлин, избегая встречи. Но спустя пять-шесть дней он понял: эта поездка явно была вызвана не только этим. Желание Ван Цзыфэна навестить родные края вполне объяснимо, но бросить все дела на десяток дней из-за личных любовных переживаний — для него это было абсолютно невозможно.

Ван Чжэнь взглянул на Тан Шэня. Разве не этот умный и проницательный Тан Шэнь всегда так привлекал его? Он произнёс лишь одно название:

— Военно-серебряный банк в Гусу.

Тан Шэнь поражённо спросил:

— Так шисюн ездил в Цзиньлин ради этого?

Ван Чжэнь ответил вопросом на вопрос:

— А ради чего ещё, если не ради этого?

Тан Шэнь лишился дара речи.

Он-то полагал, что Ван Чжэнь вспылil из-за его слов и уехал в Цзиньлин. Теперь же выяснялось, что он тут абсолютно ни при чём. Ван Чжэнь изначально собирался отправиться в Цзиньлин и под предлогом визита к родне тайком занимался делами — такова была его истинная цель.

В груди разлилась горчащая, сдавливающая тоска. С одной стороны, узнав, что Ван Чжэнь уехал не из-за обиды на него, Тан Шэнь почувствовал облегчение. Но с другой... если он уехал не из-за него, то чем же были все эти мысли и переживания Тан Шэня в Шэнцзине на протяжении десяти с лишним дней? И то, что произошло более десяти дней назад... неужели Ван Цзыфэн действительно не придавал этому никакого значения?

Тысячи мыслей и чувств переполняли сердце Тан Шэня, просились наружу, но он не мог вытолкнуть из себя ни единого слова.

Ван Чжэнь приподнял шторку паланкина:

— Кажется, мы у лавки Цайцичжай.

Тан Шэнь:

— А?

— Помню, пять лет назад, когда младший шиди только прибыл в Шэнцзин, я часто посылал тебе сладости из лавки Цайцичжай. Ты тогда был совсем юн, буквально ребёнок, — Ван Чжэнь посмотрел на Тан Шэня мягким взглядом, в котором уже не читалось прежнего пыла, лишь снисхождение и тихая светлая грусть. Он обратился к носильщику: — Купи сладостей.

Паланкин остановился, и носильщик вскоре принёс свёрток с горячей выпечкой, передав его в руки Ван Чжэню.

Ван Чжэнь спросил:

— Младший шиди всё ещё любит сладости?

Тан Шэнь неосознанно обронил:

— На самом деле я никогда не любил сладости.

Ван Чжэнь замер:

— Вот как... В те годы ты съедал так много, что я решил, будто тебе нравится. — Он аккуратно завернул кулёк обратно и тихо усмехнулся: — Так вот в чём дело. Лишь потому, что это дарил я, следуя правилу «дар старшего не смеют отвергать», младшему шиди приходилось раз за разом пересиливать себя?

Тан Шэнь широко раскрыл глаза. Он вдруг осознал, что снова сболтнул лишнего.

Обычный человек не придавал бы этим словам значения, но Ван Чжэнь мгновенно понял суть: тогда Тан Шэнь принимал все угощения лишь потому, что пытался выслужить расположение Ван Цзыфэна и не смел отвергнуть его милость. И сейчас Ван Чжэнь щадил самолюбие Тан Шэня, сводя всё к учтивому правилу уважения к старшим.

Ван Чжэнь убрал сладости в потайное отделение паланкина, прикрыл глаза для отдыха и больше не произнёс ни слова.

За окном всё гуще валила метель, и носильщики почему-то шли медленнее обычного.

У Тан Шэня тяжело сжалось сердце. Наконец он не выдержал и позвал:

— Шисюн...

Ван Чжэнь словно не слышал.

— Шисюн...

Ван Чжэнь по-прежнему сидел с закрытыми глазами.

Тан Шэнь стиснул зубы и выдохнул:

— Цзыфэн-шисюн!

Ван Чжэнь открыл глаза и с удивлением воззрился на него:

— Что такое?

Тан Шэнь спросил:

— Ты всё ещё злишься на меня?

Его утончённые глаза слегка округлились, и Ван Чжэнь с изумлением вымолвил:

— Да когда же я на тебя злился?

Тан Шэнь:

— ...Правда нет?

— Разумеется, нет.

Паланкин качнулся на ухабе, и тыльные стороны их ладоней случайно соприкоснулись. Руки Тан Шэня всегда пылали жаром, в то время как пальцы Ван Цзыфэна были прохладными. От этого прикосновения Тан Шэнь оцепенел. И прежде чем он успел опомниться, Ван Чжэнь неторопливо и незаметно отстранил руку.

Сердце Тан Шэня мгновенно рухнуло в ледяную пропасть. Словно ведро студёной воды вылили ему прямо на голову, отчего посреди этой суровой зимы его пробрал лютый мороз.

И вдруг он осознал одну вещь: вернувшись из Цзиньлина, шисюн изменился. Он стал... словно больше не любил его.

Перед глазами пронеслись картины прошлого.

Пять лет назад, во время их первой встречи у пруда с лотосами, он из кожи вон лез, рассыпался в красноречии и изо всех сил пытался подобраться ближе, лишь бы оставить о себе неизгладимое впечатление.

А затем именно этот человек шаг за шагом вёл его в бездонные глубины чиновничьей среды, расчищая тернии на его пути.

Ведь это же Ван Цзыфэн — разве мог он не знать, что Тан Шэнь всё это время использовал его!

Он всё знал с самого начала.

С первого дня Тан Шэнь намеревался сделать его своей ступенчатой доской, чтобы подняться к самым небесам. Однако у судьбы были свои планы: постепенно он проникся к шисюну искренним уважением и восхищением. Он больше не мог оставаться столь неблагодарным и черстводушным человеком и стал от чистого сердца считать его родным старшим братом и верным другом.

Кто в этом мире относился к нему лучше, чем Ван Цзыфэн? Кто ещё мог так относиться?

На Башне Сюйцзи именно этот человек вопрошал к его сердцу: «Учащиеся у одного учителя — соратники, разделяющие единую цель — друзья».

В городе Цычжоу именно этот человек, мчась под звёздами и луной, прижал его к груди и спас из смертельной опасности.

У Ван Цзыфэна когда-то была картина, которую он безумно любил. Он берёт её как бесценное сокровище, не в силах расстаться с ней. Но за долгие годы он так и не решился предопределить её судьбу. Тогда Тан Шэнь думал, что у шисюна какая-то тайная задумка, но теперь он наконец понял: той картиной был он сам, а Ван Чжэнь — ценителем, безоглядно в неё влюблённым.

Ван Чжэнь давно испытывал к нему чувства, но этот путь был слишком полон невзгод и лишений. Он не мог заставить себя утянуть Тан Шэня за собой, а потому годами сдерживал себя, ничем не выдавая тайну своего сердца.

Ради него Ван Чжэнь терпел столько лет, а Тан Шэнь не сделал абсолютно ничего — только раз за разом ранил этого человека прямо в сердце.

Он мысленно спросил себя: «Видел ли ты её — его искреннюю, чистую душу?»

В глазах Тан Шэня внезапно закипели слёзы.

Он давно её видел. Все эти пять лет, день и ночь, каждую секунду он видел, с каким безграничным самоотверженным теплом Ван Цзыфэн относился к нему!

— Шисюн...

<http://bllate.org/book/18292/1757458>